

Мухлиса САИДОВА,

независимый соискатель Ферганского государственного университета

СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЭТИКИ СЕМЕЙНОЙ ПАМЯТИ В ПРОЗЕ УТКИРА ХАШИМОВА И ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ

Аннотация. В статье исследуется семья как среда передачи культурной памяти в повести Уткира Хашимова «Дела земные» и романе Людмилы Улицкой «Медея и её дети». Сравнительно-типологический анализ выявляет общие механизмы: женское хранительство, сакрализацию дома, бытовой ритуал, устный рассказ и письмо. У Хашимова память опирается на этический код махаллы и образ матери, у Улицкой – на поликультурную генеалогию, включающую опыт депортации, войны и рассеяния.

Ключевые слова: культурная память, семейная память, Уткир Хашимов, Людмила Улицкая, «Дела земные», «Медея и её дети», дом.

Annotatsiya. Maqolada O'tkir Hoshimovning "Dunyoning ishlari" qissasi va Lyudmila Ulitskayaning "Medea va uning farzandlari" romanida oila madaniy xotirani uzatish muhiti sifatida tadqiq etiladi. Qiyosiy-tipologik tahlil umumiy mexanizmlarni: ayollarning xotirani asrab-avaylashi, uyni muqaddaslashtirish, maishiy marosim, og'zaki hikoya va maktubni aniqlash imkonini beradi. Hoshimov ijodida xotira mahalla axloqiy kodeksi va ona obrazi bilan, Ulitskayada esa deportatsiya, urush va tarqalib ketish tajribalarini qamrab olgan ko'pmadaniyatli genealogiya bilan bog'liq.

Kalit so'zlar: madaniy xotira, oilaviy xotira, O'tkir Hoshimov, Lyudmila Ulitskaya, "Dunyoning ishlari", "Medea va uning farzandlari", uy.

Annotation. The article examines the family as a medium for transmitting cultural memory in O'tkir Hoshimov's novel "Such is life" and Lyudmila Ulitskaya's novel "Medea and Her Children". A comparative-typological analysis identifies common mechanisms: women as custodians of memory, the sacralization of the home, everyday rituals, oral storytelling, and letter writing. In Hoshimov's work, memory is grounded in the ethical code of the mahalla and the image of the mother, while in Ulitskaya's novel it is rooted in a multicultural genealogy encompassing the experiences of deportation, war, and displacement.

Keywords: cultural memory, family memory, O'tkir Hoshimov, Lyudmila Ulitskaya, "Such is life", "Medea and Her Children", home.

В современной мемориальной парадигме семья понимается как первичная «группа памяти»: в повседневном общении прошлое получает эмоциональную окраску, сюжет и адресата. Я.Ассман различает коммуникативную память живых поколений и культурную память, закреплённую в символах и текстах [1, с. 109]. Проза переводит семейное воспоминание во вторую форму, превращая голос матери, вещь, письмо и место в элементы коллективной идентичности. Цель исследования – определить, как этот переход осуществляется в «Dunyoning ishlari» («Дела земные») У.Хашимова и «Медее и её детях» Л.Улицкой.

Повесть Хашимова построена как цикл самостоятельных новелл, связанных автобиографическим рассказчиком и образом матери [2]. Такая композиция воспроизводит семейное воспоминание: оно возвращается не по календарю, а по ассоциации – через голос, запах, болезнь, утрату или бытовой предмет. В эпизодах «Гилам пайпок» («Ковровые носки»), «Алла» («Колыбельная»), «Олтин балдоқ» («Золотая серьга») и «Илтижо» («Мольба») частный случай приобретает значение нравственного образца. Мать сохраняет не архив документов, а практическое знание о заботе, терпении, стыде и благодарности, поэтому материальный предмет важен не своей ценой: носки фиксируют память о самоотверженности, серьга – о жертве ради близкого, колыбельная – о даятельской связи поколений. Исследователи справедливо подчёркивают синтез автобиографического факта и художественного обобщения в создании этого образа [3, с. 328].

Ключевой канал памяти у Хашимова – материнская речь. Даже лаконичная реплика «Meniyam kitob qilib yozsang-chi, o'g'lim» («И меня бы описал в книге, сынок») задаёт этику всему циклу: письмо сына становится ответом на просьбу матери и формой возвращения долга [4, с. 778]. В финальной лирической перспективе рассказчик смотрит на звёздное небо и предполагает, что самые яркие звёзды – души матерей. Эта метафора выводит единичную биографию к универсальной памяти, но сохраняет её национальную конкретность: уважительное обращение, обычай соседской взаимопомощи, совместный труд и материнская колыбельная образуют узнаваемый код узбекской семьи. Махалла расширяет родство: свидетелями и участниками

семейного прошлого становятся Хабиба-буви, Ходжи-буви, Нисо-хола и другие женщины. Следовательно, носитель памяти – не изолированное домохозяйство, а локальное сообщество, где чужая беда включается в собственную моральную биографию.

В романе Улицкой функцию мнемонического центра выполняет бездетная Медея Мендес. Уже экспозиция определяет её как последнюю в семье, сохранившую греческий язык [5]. Таким образом, родство связывается не только с кровью, но с речью, ландшафтом и способностью помнить. Крымский дом Медеи собирает около тридцати племянников и внучатых племянников; сезонные приезды превращают его в живой семейный календарь. Комнаты, террасы, колодец, виноградник и дорога к дому действуют как «места памяти»: они возвращают родственников к общему центру, хотя их профессии, города, языки и брачные связи давно различны. Образ героини при этом переосмысливает античный миф: вместо детоубийцы возникает хранительница жизни, «вечная мать», цементирующая систему женских образов романа [6].

Если у Хашимова преобладает устная и чувственная память, то у Улицкой особенно значимы письмо и семейный архив. Неотправленное письмо Медеи к сестре сохраняет рассказ о депортации крымских татар, уничтожении ореховых рощ и невозможности возвращения. Фраза героини «Память у меня, слава богу, еще хорошая, все держит» [5] имеет программный смысл: частное свидетельство удерживает то, что официальная история вытесняет. Внутри письма соединяются личная благодарность, топография Крыма и политическое насилие; семейный адресат превращает историческое знание в обязанность следующего поколения. Позднее бумага попадает к племяннику Георгию и объясняет завещание: память не просто сообщает о прошлом, а направляет справедливое действие в настоящем.

Домашний быт у Улицкой, как и у Хашимова, является языком передачи ценностей. Медея лечит, кормит, готовит постель, шьёт детскую простыню из изношенной ткани, собирает травы и запоминает изменения ландшафта. Эти повторяющиеся действия создают устойчивость, способную нейтрализовать трагическое начало, поэтому исследователи

определяют эстетическую доминанту романа как победу идиллии над трагедией [7, с. 147]. Однако идиллия не означает забвения конфликтов: измена Самуила, семейные тайны и рассеяние рода входят в общий узор. Хранительство Медеи состоит не в идеализации семьи, а в способности включить разрыв в продолжительную историю рода, не разрушив саму возможность встречи.

Сопоставление выявляет типологическую общность четырёх механизмов. Во-первых, память персонифицирована в женском образе: мать у Хашимова и Медея у Улицкой обеспечивают преемственность заботой, а не властью. Во-вторых, дом понимается процессуально – он существует, пока в нём кормят, рассказывают и принимают возвращающихся. В-третьих, бытовая вещь становится мнемоническим знаком: носки и серьга в узбекской повести, кольцо, простыня, письмо и травы в русском романе. В-четвёртых, большая история получает достоверность через последствия для тела и повседневности. В обоих

случаях культурная память этична: помнить – значит признать долг перед умершими и ответственность перед живыми.

Итак, различия определяются устройством изображённого сообщества и повествования. Хашимов концентрирует память вокруг вертикали «мать – сын» и коллективного уклада махалли; его цикл лиричен, исповедален и основан на повторном переживании утраты. Улицкая строит разветвлённую горизонтальную генеалогию: греческая, еврейская, русская и крымскотатарская линии встречаются в доме Медеи, а полифонический рассказ допускает несовпадающие версии прошлого. У Хашимова универсальное вырастает из национально-этического идеала матери; у Улицкой идентичность принципиально множественна и поддерживается переводом между семейными историями, поэтому первая модель ближе к памятованию-завету, вторая – к памятованию-диалогу.

Литература

1. Assmann J. Communicative and Cultural Memory // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / Ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin; New York: De Gruyter, 2008.
2. Хошимов У. *Dunyoning ishlari: qissa va hikoyalar*. Toshkent: Yangi asr avlodi, 2017.
3. Bobomurodov I. O'tkir Hoshimov nasrida «ona» obrazining badiiy takomili («Dunyoning ishlari» qissasi misolida) // *Science Time*, 2026, vol. 4, № 4/1.
4. Hamrayev I., Mamadaliyeva B. O'tkir Hoshimovning «Dunyoning ishlari» hikoyasining bugungi kundagi o'rne // *Modern Science and Research*, 2025, vol. 4, №3.
5. Улицкая Л.Е. Медея и её дети. М.: АСТ, 2016. Электронный текст: <https://books.yandex.ru/books/lycAdgq9/read-online>
6. Латыпова Е.Э., Абдуллина А.Ш. Материнство в ценностной системе романа Л.Е. Улицкой «Медея и её дети» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2017, № 10-1 (76).
7. Syska K. Роман «Медея и её дети» Людмилы Улицкой: преодоление трагедии идиллией // *La dimensione del tragico nella cultura moderna e contemporanea*. Roma: UniversItalia, 2014.